

УДК 81`36(038)=161.1
DOI 10.20339/PhS.6-20.149

Н.В. Халикова

Словарь как указатель языка (Рецензия-обзор на книгу «Синтаксический словарь языка русской поэзии XVIII века»)

Проанализирован коллективный труд Петрозаводской лингвистической школы художественного текста — новый вид синтаксического словаря, не имеющий аналогов в лексикографической практике и грамматике художественного текста. Рассмотрена оригинальность решения актуальных для исторической стилистики и «нелексической» лексикографии проблем, методология анализа эволюции поэтического языка. Обоснована насущная необходимость выхода за пределы лексического и морфологического уровней на синтаксический в создании сводных и отдельных авторских словарей

Ключевые слова: поэтический синтаксис, авторская лексикография, синтаксический словарь, русская поэзия XVIII в., «синтаксический портрет» поэта, Петрозаводская школа изучения языка художественной литературы.

The collective work of the Petrozavodsk linguistic school of artistic text is reviewed. The syntax dictionary of Russian poetry of the 18th century is unparalleled in lexicographical practice. The originality of solving problems that are relevant for historical stylistics and “non-lexical” lexicography of problems is noted, the methodology for analyzing the evolution of poetic language is considered. The necessity of going beyond the lexical and morphological levels to the syntactic one in the creation of consolidated and separate author dictionaries is substantiated.

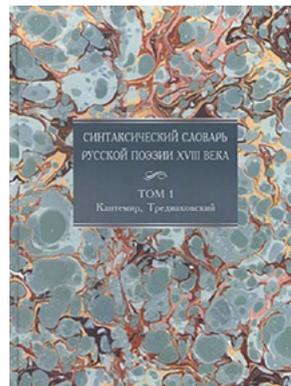
Keywords: poetic syntax, Russian poetry of XVIII century, the syntactic dictionary, author's lexicography, syntactic dictionary, “syntactic portrait” of the poet, Petrozavodsk school of studying the language of fiction.

Вводная характеристика

Появившийся первый том «Синтаксического словаря русской поэзии XVIII века» (2017) [1] — это результат работы большого коллектива Петрозаводской научно-педагогической лингвистической школы (под руководством З.К. Тарланова, Я.И. Гина и Н.В. Патроевой), давно и последовательно исследующей в России художественный текст, лингвопоэтику, поэтический синтаксис. Монографии и программные статьи Н.В. Патроевой в эпоху «лексикографической индустрии» имеют пионерский характер [1; 2]. Авторам словаря удалось показать, что «нелексическая» лексикография уходит с начального этапа проектирования, наступает время грамматических словарей. Рецензируемая работа не дублирует материал ни одного словаря или корпуса. В нем сочетаются теоретическая классика синтаксиса и инновационный характер современной художественной стилистики.

Словарь предваряет большое предисловие (С. 3–52)¹, заслугой авторов является представленное в нем целостное учение о поэтическом языке. По своему объему и содержанию предисловие является встроенной в структуру словаря монографией, где излагаются выработанные за последние десятилетия методы исследования и процедура обработки грамматического и текстового материала. После колоссального подготовительного периода наступил этап осознания глубинных особенностей языка поэзии и его проблемных зон, определяющих дальнейшие исследования.

¹ Здесь и далее в скобках указаны страницы рецензируемого издания.

Синтаксический словарь русской поэзии XVIII века: в 4 т. / под ред. Н.В. Патроевой. Т. 1: Кантемир. Тредиаковский. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. 576 с.

Sintaksicheski slovar' russkoi poezii XVIII veka: v 4 t. / pod red. N.V. Patroevoi. T. 1: Kantemir. Trediakovskii. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin, 2017. 576 s.

ISBN 978-5-86007-845-1

На сегодняшний день это наиболее профессиональное, статистически достоверное описание поэтического синтаксиса XVIII в. как бурного времени эволюции языка художественной литературы.

Предисловие состоит из двух основных частей и различных необходимых технических замечаний: списка сокращений, объяснительных комментариев к таблицам и др. Первая его часть — собственно лингвистическая (С. 3–37) — излагает теоретико-методологические основы создания словаря, объясняет сложившуюся в нем терминосистему, структуру. Вторая часть (С. 37–52) выводит нас в область изучения предложения как единицы языка писателя, функции предложения в организованной системе стилистически обусловленного текста. Все предисловие содержит новые яркие данные об эволюции и структуре поэтического языка.

Исследуемое поле, область применения словаря

Авторы справедливо замечают, что основной термин *поэтический синтаксис* при частом использовании и многообразии работ на эту тему пока не имеет четкой дефиниции. Перед нами «первый опыт лексикографического описания синтаксической ткани целого рода литературы» (С. 8).

Подлинно научное восприятие категориального статуса художественного текста и его структурно-семантических единиц невозможно без учета взаимовлияния двух подходов — лингвоцентрического и текстоцентрического, двух «образов научного предмета» — лингвистического и литературоведческого, со всеми их глубинами и противоречиями. В таком бескрайнем методологическом поле определение уровней и границ поэтического языка, в частности поэтического синтаксиса, представляется сложной проблемой. Обычно она успешно решается на лексико-фразеологическом уровне и в области семантических категорий. Н.В. Патроева ранее отмечала, что в лигвопоэтике «с сожалением приходится констатировать ослабление степени “грамматичности” и, напротив, усиление культурологичности, логицизма и прагматической направленности», «отказ от традиционного для русского языкознания внимания к иерархии единиц и категорий грамматики» [2. С. 62]. Представленная концепция рецензируемого словаря «нелексического типа», во-первых, делает предложение видимой функциональной единицей в *системе* поэтического языка; во-вторых, показывает его как феномен идиостиля, языковой личности, результат эволюции поэтических форм мышления; в-третьих, связывает предложение с сугубо литературоведческими *категориями* ритма, метра, мелодики, жанра, стиля.

В этом соединении поэтики и лингвистики заключается самая большая филологическая заслуга и научное новаторство авторов словаря. Он «по своему предназначению является сводным писательским словарем, демонстрирующим основные тенденции в эволюции синтаксических доминант русской поэтической речи, отдельных поэтических идиостилей» (С. 5). Такой тип словаря очень актуален и востребован и потому видится как начало большой серии выпусков и для поэтов XIX–XX веков, что позволило бы наблюдать историю русского литературного языка в сопоставлении с эволюцией языка поэтического.

В рецензируемом первом томе словаря представлены синтаксические портреты двух великих реформаторов книжного языка: А.Д. Кантемира, В.К. Тредиаковского. В следующих томах — М.В. Ломоносов, А.П. Сумароков, Г.Р. Державин, М.М. Херасков, А.Н. Радищев, Н.М. Карамзин, И.И. Дмитриев. Разумеется, словарь станет хорошей базой для создания фундаментальной исторической грамматики русского языка XVIII в. Когда-то П.А. Вяземский сетовал, что «в наших словарях не приводят примеров различного употребления слов и выражений, какими являются они в разных литературных эпохах и у разных писателей. Наши словари донныне более или менее полное собрание слов, а не указатели языка, как французские словари, по коим можно пройти почти полный курс истории французского языка и французской литературы» [4. С. 90]. К нашей большой радости, новый синтаксический словарь предназначен именно для целей изучения истории «нового русского книжного

языка» и литературы XVIII в., прекрасно позволяющий увидеть, чем была обусловлена оригинальность культуры пушкинской и послепушкинской поры.

Словарь стал зеркалом современной идеи о том, что совокупность всех текстов, поэтический дискурс есть эстетическое единство, в котором «вместе все эти произведения русских поэтов, расположенные примерно так, как они входили в русскую поэзию, <...> при этом каждая следующая часть не похожа на предыдущую, а вместе с тем составляет какое-то внутреннее единство» [5. С. 10–11], и основная задача историка поэтического языка — представить поэзию, по словам М.В. Панова, как саморазвивающуюся сущность. На наш взгляд, рецензируемый словарь блестяще справился с этой задачей. Он возвращает филолога к мысли о том, что репертуар языковых единиц художественного текста определяется художественным текстом, взятым в аспекте его базовых категорий, как вторичной семиотической системой. И если для лексической единицы устойчивость и воспроизводимость ее семантики и функции в словаре поэта после работ Г.О. Винокура, В.В. Виноградова, Р.О. Якобсона, М.Ю. Лотмана, М.В. Панова, Ю.Н. Караулова не требует доказательств, то существование тезауруса грамматических единиц, представляющих целостность авторского языка, «синтаксический портрет» поэта, — идея новая. Следовательно, у языка художественной литературы появились соотносительные лексические и грамматические словари, что выстраивает иерархию, соответствующую поверхностным и глубинным уровням постижения текста: на первом уровне — авторские словари, объемлющие лексему во всем богатстве ее семантических связей, на втором — часть речи, словосочетание и предложение.

Словарь является продолжением и развитием идей лучших отечественных лингвистов XX столетия (В.В. Виноградова, Г.О. Винокура, Р.О. Якобсона, Г.А. Золотовой, Л.Л. Шестаковой, Ю.С. Сорокина, Ю.Н. Караулова, И.И. Ковтуновой, В.А. Плунгяна и многих других); стиховедов (М.Л. Гаспарова, Т.В. Скулачевой, М.И. Шапира, О. Брика, Б.И. Ярхо, Б.В. Томашевского, Т.И. Сильман, Б.М. Эйхенбаума и др.). В примечаниях на страницах словаря находятся россыпи замечательных ссылок, составлен большой список рекомендуемой литературы. Филологический фон словаря очень обширен и осмыслен, создается впечатление хорошего научного полилога, высокой культуры современного научного стиля.

Основные положения

Если **поэтический язык** в аспекте художественной коммуникации понимать широко, как построение стихотворного текста, основной единицей которого является предложение, то нам придется удерживать предложение как основной объект исследования в дихотомии «предложение — строфа», по отношению к которому и строфа, и стих — вариант *стихотворной фразы*, метрически и ритмически организованной, — уже явление иного порядка, иной формальной природы. Предложение словно бы растворяет свои формальные грамматические качества, когда сопоставляется со *строфой*, мыслимой нами главной поэтической формой смысла. Между тем составленный «тезаурус конструкций, используемых при построении поэтического текста» (С. 4) убедительно доказывает существование грамматического уровня поэтического языка отдельно, наряду с общенародным. Так, например, «вопросительные, как и восклицательные, знаки в поэтическом тексте часто оказываются свидетелями не перехода к самостоятельному высказыванию, а усиления эмоциональности фразы», средством мелодики целостного компонента текста: *Ты хочешь знать: кто я? Что я? Куда я еду?* (С. 13)

Собственно теоретической проблемой, новаторски решенной авторами синтаксического словаря, как раз и становится то, как именно предложение функционирует в поэтическом тексте наряду со формально-смысловым членением текста совершенно иного интонационно-графического и смыслового порядка. В чем заключается суть создания репертуара «невидимых» читателю синтаксических форм и отношений среди катренов, октав, десятистиший, воплощенных в двусложных, трехсложных размерах, тактовиках? Происходит ли деграмматикализация единицы в подчинении других формальных текстовых структур? Как именно реализуется идея структуралистов о работе языковой единицы только в соответ-

вующей среде, ведь предложение по-разному ведет себя в прозе и поэзии, в текстах разных стилей? Эти сложнейшие, глубинные вопросы получили в этом издании достаточно четкое осознание. Основная цель «Словаря...» — представить типологию (репертуар) синтаксических конструкций в языке классического периода (барокко, классицизм, сентиментализм), выявить взаимосвязи между тремя основными подсистемами стихотворного текста: грамматической, метрической и жанрово-стилистической — здесь достигнута. Массивом статистических данных в различных таблицах показан общий синтаксический принцип поэтической техники классицизма, сущность которого в повторяемости, воспроизводимости той или иной синтаксической единицы в разножанровых, разностилевых текстах. Поэтический закон повторяемости единицы, делающий ее приемом в творчестве поэта, Н.В. Патроева называет «излюбленным типом организации текста, тесно связанным с мироощущением психологическим складом автора» [6. С. 204].

Не вызывает сомнения, что в результате тщательной проведенной «регистрации и классификации разнообразного со структурной, семантической и коммуникативной точек зрения репертуара синтаксических единиц» (С. 4) доминантами поэтической речи выступают осложненное и сложное предложения, наиболее приспособленные к силлабической и силлабо-тонической поэзии.

Синтаксические доминанты и переходные зоны описаны в соответствии с новой методикой лексикографического представления поэтических контекстов, включающей в себя десять критериев по: 1) структурной схеме (простое, осложненное, сложное); 2) типу синтаксических связей и количеству частей; 3) виду синтаксических отношений между частями в сложном предложении; 4) модальной характеристике (утвердительное, обще- и частноотрицательное); 5) полноте / недостаточности; 6) экстрапредложенческим феноменам (заглавие, обращение, парцеллят, коммуникатив и др.); 7) длине (количеству слов, строк-стихов, строф); 8) типу усложнителей; 9) соотносённости с жанром, типом строфы, метрической схемой, анжанбеманом; 10) риторическому приему (фигуре речи) (С. 5–6). Таким образом, как и для слова, для единицы синтаксического уровня реализуется универсальная триада В.В. Виноградова «форма – семантика – функция», позволяющая описывать поэтический язык как систему систем и в структурно-семантическом, и в функциональном отношениях.

Проведенная авторами работа показала, что проблемными зонами и дискуссионными вопросами поэтического синтаксиса являются: 1) односоставные предложения с несколькими предикатами; 2) модальность осложненных обособлением с негацией простых предложений; 3) целеустановка и значения синтаксического наклонения; 4) характеристика определенноличных предложений и значение синтаксического лица; 5) границы понятий «расширение» и «осложнение» элементарной модели предложения; 6) контексты с прямой речью; 7) некоторые аспекты сложноподчиненных предложений; 8) знаки препинания (С. 13–19) и др.

Исключительно интересны замечания о связи пунктуации с риторикой, ритмо-метрической схемой диффузной «поэтической фразы», о существовании не собственно синтаксических, а стилистических норм графического оформления (С. 20–21).

Структура словаря отражает хронологический и жанровый принципы, основана на понимании предложения единицей лексикографического описания. «Аналогом традиционной словарной статьи служит строка таблицы, содержащая его разноаспектную характеристику» (С. 22). Словарь включает в себя:

- 1) предисловие;
- 2) обобщающие сравнительные таблицы, представляющие частотность различных типов предложений, синтаксических связей и отношений в русской поэзии XVIII в., в том числе в их соответствии жанру, типу стихосложения, метрической схеме, строфической (при указании типа строфы) / астрофической композиции, с указанием длины конструкций, количества анжанбеманов, структуры заглавия и некоторых других параметров; таблицы, описывающие простые неосложненные и осложненные дву- и односоставные предложения, бинарные бессоюзные, сложносочиненные и сложноподчиненные предложения, многокомпонентные (из трех и более предикативных частей) конструкции с одним или разными видами синтаксической связи;

3) основные таблицы, характеризующие синтаксическую структуру, коммуникативную целеустановку, мелодику приводимых в качестве единиц лексикографического описания простых и сложных предложений, тип грамматической связи и синтаксические отношения в полипредикативных конструкциях, используемые поэтами риторические приемы (фигуры речи), строфику и метрику текста, жанровую принадлежность, фиксирующие соответствие / несоответствие стихового и синтаксического членения (анжанбеманы); таблицу, описывающую заглавия, эпитафы и фиксирующую количество стихотворений с прямой речью;

4) список стихотворных произведений (с указанием точной или предположительной даты их создания и страницы по соответствующему изданию), послуживших источником языкового материала и подвергнутых синтаксической разметке (С. 22).

Такая скрупулезность в многоаспектном описании синтаксической единицы позволила сделать авторам словаря исключительно интересные выводы о развитии поэтического синтаксиса за одно столетие (С. 37–52). Стилистической доминантой выступило сложное предложение, употребление которого колебалось между полюсами «словенской» и русской речи. Сложное предложение выступило маркером генетически «высоких» текстов, а типы сложных предложений оказывались спаянными с жанровым мышлением. «Создание единой общелитературной, и прежде всего синтаксической, нормы, в равной мере применимой ко всем функциональным разновидностям языка, совершилось именно в эпоху сентиментализма» (С. 41).

Язык художественной литературы всегда искусственное построение, на нем даже в наше время никто не говорит, он состоит из единиц различных уровней, категорий и полей, подверженных тем или иным процессам. При работе над словарем авторам удалось зафиксировать эти процессы, среди которых к уже известным нам есть «расширение синтаксического поля субъективно-модальных нагруженных звеньев»; развитие односоставных и осложняющих конструкций, сегментации высказывания, категории вводности (С. 42–45). По данным словаря, «сложносочиненные предложения <...> составляют в среднем только 6% от всех конструкций, а сложноподчиненные встречаются почти в два раза чаще (14%); на долю бессоюзия приходится примерно пятая часть контекстов; около 25% составляют сложные предложения с разными видами связи» (С. 45). Эти данные стали основой богатейших стилистических выводов авторов словаря о характере подчинения синтаксической единицы строгой метрической системе стиха.

Стоит назвать заслугой авторов формирование у читателей абсолютно целостного взгляда на синтаксическую структуру поэтики XVIII в. (ср.: [7]). Россыпи самых разнообразных конкретных и тонких наблюдений о метрике, строфике, протяженности текста, жанре, влиянии чужого языка на выбор предложения в сумме дают полноценное, исчерпывающее представление о формальной и образной стороне поэтического языка. Синтаксическая сложность духовной оды, гимна, послания контрастируют с системными признаками синтаксического упрощения басен или, например, стансов, эпиграмм.

Соглашаясь с авторами, что это необходимо на данном этапе работы, видим структурный анализ по той же схеме как дело будущего и иных дополнений к словарю. Сопоставление с языком-источником и текстом-источником тоже несет специфическую информацию о норме или отступления от уже найденной доминанты (ср.: [8]). Богатые статистические данные позволяют сделать выводы о ядерно-периферийных зонах «синтаксического репертуара» выбранного автора, жанра или направления.

Метаязык исследования в силу специфического построения словаря включает свыше сотни самых различных сокращений и аббревиатур. Их список включен в предисловие на нескольких страницах (С. 25–33). Это значительно сокращает круг пользователей. Без соответствующей подготовки он не предназначен для студентов, учителей, литературоведов. Возможно, стоит провести категоризацию помет-сокращений в алфавитном порядке внутри разных смысловых зон так, чтобы словарь, состоящий из информативных таблиц был удобен и воспринимающей стороне обычного филолога, а не только искусственного синтаксиста.

Заключение

Словарь служит надежной опорой для развития корпусной лингвистики, теории языка художественной литературы, лингвистических и литературоведческих исследований. Словарь способствует детальному изучению грамматической эволюции синтаксического строя поэтического языка классицизма. Он оказывает неоценимую поддержку в любом виде филологического анализа текста, позволяет получить представление о системе и динамике развития поэтического языка XVIII в. Исследование содержит методику представления синтаксической структуры поэтического текста для развития НКРЯ и иных компьютерных конкордансов.

Издание будет, несомненно, полезно специалистам по синтаксису и поэтике, преподавателям вузовских дисциплин, аспирантам, всем, кому интересен язык русской лирики.

Литература

1. Патроева Н.В. Синтаксис русской поэзии XVIII века в связи с метрикой, строфикой, жанром стихотворения // Вопросы языкознания. 2016. № 6. С. 20–41.

2. Патроева Н.В. Поэтический синтаксис: категория осложнения: монография. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2002. 334 с.

3. Патроева Н.В. К проблеме синтаксических категорий в грамматической системе русского языка // Язык и культура. 2013. № 1 (21). С. 54–62.

4. Вяземский П.А. Старая записная книжка (1874–1877) // Полн. собр. соч.: в 12 т. СПб., 1883. Т. 8.

5. Панов М.В. Язык русской поэзии 18–20 веков: курс лекций. М.: Изд. дом ЯСК, 2017. 584 с.

6. Патроева Н.В. Начальная строка как «сильная» позиция лирического текста (на материале поэзии Е.А. Баратынского) // Пушкинские чтения 2013. Художественные стратегии классической и новой литературы: жанр, автор, текст: материалы XVIII Международной научной конференции 6–7 июня 2013. СПб.: Изд-во ЛГУ, 2013. С. 199–205.

7. Никитин О.В. Василий Евдокимович Адодуров (К 300-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. 2009. № 5. С. 104–110.

8. Лингвистическое отечествоведение: коллект. монография. Т. 2 / под ред. В.И. Макарова. Елец: ЕГУ, 2001. 239 с.

References

1. Patroeva N.V. Sintaksis russkoi poezii XVIII veka v sviazi s metrikoj, strofikoj, zhanrom stikhotvorenii // Voprosy iazykoznanii. 2016. No. 6. S. 20–41.

2. Patroeva N.V. Poeticheskii sintaksis: kategoriia oslozhneniia: monografiia. Petrozavodsk: Izd-vo PetrGU, 2002. 334 s.

3. Patroeva N.V. K probleme sintaksicheskikh kategorii v grammaticheskoi sisteme russkogo iazyka // Iazyk i kul'tura. 2013. No. 1 (21). S. 54–62.

4. Viazemskii P.A. Staraiia zapisnaia knizhka (1874–1877) // Poln. sobr. soch.: v 12 t. St. Petersburg, 1883. T. 8.

5. Panov M.V. Iazyk russkoi poezii 18–20 vekov: kurs lektzii. Moscow: Izd. dom IaSK, 2017. 584 s.

6. Patroeva N.V. Nachal'naia stroka kak "sil'naia" pozitsiia liricheskogo teksta (na materiale poezii E.A. Baratynskogo) // Pushkinskie chteniia 2013. Khudozhestvennye strategii klassicheskoi i novoi literatury: zhanr, avtor, tekst : materialy XVIII Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii 6–7 iunია 2013. St. Petersburg: Izd-vo LGU, 2013. S. 199–205.

7. Nikitin O.V. Vasilii Evdokimovich Adodurov (K 300-letiiu so dnia rozhdeniia) // Russkii iazyk v shkole. 2009. No. 5. S. 104–110.

8. Lingvisticheskoe otechestvovedenie: kollekt. monografiia. T. 2 / pod red. V.I. Makarova. Elets: EGU, 2001. 239 s.

Халикова Наталья Владимировна,
доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры современного русского языка
Московского государственного областного университета

Khalikova Natalja V.,
Doctor of Philology, Associate Professor,
Professor of the Modern Russian Language Department
Moscow Region State University

e-mail: vlstsd@yandex.ru

